

МАРК ВЕЙНАР

Я ПОМНЮ, КАК МЫ УМЕРЛИ

РОМАН

Марк Вейнар

Я помню, как мы умерли

«Автор»

2026

Вейнар М.

Я помню, как мы умерли / М. Вейнар — «Автор», 2026

Реставратор Ева Руднева просматривает неизвестную архивную плёнку и за несколько мгновений вспоминает двенадцать лет жизни, которых никогда не было: дом, мужа Даниила, дочь Миру — и ночь, когда она собственными руками убила любимого человека. На её теле появляется старый шрам из чужого прошлого, а вскоре на пороге стоит Даниил. Он тоже помнит их брак и их смерть. Плёнка не оставляет изображения, документы противоречат памяти, а знакомые места начинают хранить следы иной реальности.

Ева и Даниил вынуждены искать источник воспоминаний и выяснить, существовала ли их семья или ещё только может возникнуть. Но чем больше они восстанавливают утраченную жизнь, тем ближе становится катастрофа, которую оба уже пережили. Их главная загадка — девочка, помнящая родителей даже тогда, когда сами родители ещё не выбрали друг друга.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марк Вейнар

Я помню, как мы умерли

Пролог

Нож вошел между ребер почти без сопротивления.

Ева ждала крика. Резкого вдоха, проклятия, хотя бы попытки оттолкнуть ее. Но Даниил только вздрогнул и накрыл ее руку своей. Его пальцы были теплыми, как всегда, когда он возвращался с улицы и грел ладони о ее чашку.

Обручальное кольцо царапнуло ей кожу.

— Еще немного, — прошептал он.

Ева не понимала, что именно должно закончиться: его боль, их жизнь или мир за окнами.

Белый дождь шел вверх. Капли отрывались от стекол, поднимались к черному небу и там исчезали. За окном один дом проступал сквозь другой: балконы висели в воздухе, лестницы обрывались у чужих дверей, окна загорались и гасли там, где минуту назад была кирпичная стена.

Комната тоже менялась. На месте книжного шкафа возникала детская кровать. Потом снова появлялись книги. На полу лежала бумажная птица, сложенная из листа в клетку. На одном крыле синим фломастером было написано: «Мама».

Ева опустилась вместе с Даниилом на колени. Его кровь растекалась по белой рубашке медленным темным цветком.

Она знала эту комнату. Знала трещину над дверью, скрип третьей половицы, пятно от детской краски у плинтуса. Знала, что в нижнем ящике комода лежат запасные батарейки, а за батареей спрятано письмо, которое она написала мужу после их первой большой ссоры и так и не решилась отдать.

Она помнила двенадцать лет рядом с ним.

И все же не понимала, почему убивает человека, которого любила.

— Я не смогу, — сказала Ева.

— Уже смогла.

Он улыбнулся. Не ей — чему-то, что видел за ее плечом.

Ева обернулась.

В дверях стояла девочка лет восьми. Босая, в длинной ночной рубашке, с волосами, спутанными после сна. В руках она держала еще одну бумажную птицу.

— Папа? — спросила девочка.

Ева знала ее имя раньше, чем вспомнила собственное.

Мира.

Даниил сжал ее пальцы сильнее.

— Не дай ей вспомнить нас.

— Кому?

— Тебе.

Свет погас.

Ева открыла глаза и увидела перед собой дрожащий белый прямоугольник.

Проектор продолжал работать, хотя пленка давно закончилась. Пустые кадры быстро сменяли друг друга, наполняя темную реставрационную комнату сухим механическим стрекотом.

Ева сидела на полу между монтажным столом и шкафом с катушками. В правой руке не было ножа — только короткий обломок старой пленки. На ладони краснела тонкая царапина.

Обручального кольца тоже не было.

Она прижала пальцы к груди. Сердце билось быстро и ровно. Одежда была чистой. Никакой крови. Никакого белого дождя. Никакой девочки в дверях.

Только воспоминание о чужой жизни — слишком большое, чтобы поместиться в одной голове.

За стеной кто-то позвал ее по имени.

Ева хотела ответить, но вместо этого произнесла:

— Даниил.

Имя прозвучало привычно. Она будто шептала его по утрам, выкрикивала во время ссор, писала на подарочных открытках, повторяла в темноте, когда он лежал рядом.

В настоящей жизни Ева Руднева не знала ни одного Даниила.

Глава 1

Через двадцать минут Ева уже почти убедила себя, что потеряла сознание.

В реставрационной комнате было душно. Кондиционер снова сломался, окна не открывались, а она с утра выпила только кофе и забыла пообедать. Мозг, лишенный воздуха и сахара, способен показать человеку что угодно. Наверное, даже двенадцать лет семейной жизни за несколько секунд.

Эта версия звучала разумно, пока Ева не попыталась встать.

Колени подогнулись. Она ухватила за край монтажного стола и увидела на внутренней стороне запястья бледную дугу шрама.

Шрам был старым. Тонким, почти белым.

Утром его не было.

Ева провела по нему ногтем. В памяти сразу вспыхнула кухня, залитая зимним светом. Даниил разбил стакан, она собирала осколки и порезалась. Мира сидела под столом и плакала громче матери, потому что решила, будто кровь никогда не остановится.

«Надо поцеловать, — серьезно сказала девочка. — Тогда кожа вспомнит, как была целой».

Даниил поцеловал порез.

Ева отдернула руку от собственного запястья.

— Ты там уснула? — спросила Ася за дверью. — Я ухожу. Если собираешься ночевать с немym кино, хотя бы выключи сигнализацию в коридоре.

Ева открыла дверь.

Ася Лебедева стояла с сумкой на плече и двумя бумажными стаканчиками в руках. Один протянула Еве, но, рассмотрев ее лицо, убрала обратно.

— Ты белая.

— Мне стало плохо.

— Насколько плохо? Вызвать скорую или принести шоколадку?

— Я потеряла сознание.

— Ты лежала на полу?

— Да.

— Значит, скорую.

— Нет.

— Ева.

— Уже прошло.

Ася вошла в комнату, включила верхний свет и поморщилась. Под лампами помещение выглядело особенно тесным: серые шкафы, металлические коробки, катушки с бирками, старый монтажный стол, на котором технология прошлого века соседствовала с современным сканером. Ева любила это место за честность. Поврежденный кадр не притворялся целым. Царапина оставалась царапиной, пока ее не исправляли вручную.

— Что ты смотрела? — спросила Ася.

— Катушку из коробки без номера.

— У нас нет коробок без номера.

Ева кивнула на стол.

Там лежала круглая жестяная коробка. Крышку покрывали темные пятна ржавчины. На ней действительно не было ни архивного шифра, ни имени режиссера, ни года. Только тонкая синяя линия, проведенная маркером по краю.

Ася поставила кофе и взяла коробку двумя пальцами.

— Откуда она?

— Была на тележке с частной коллекцией.

— Какой?

Ева попыталась вспомнить. Утром техники привезли три коробки из фонда документального кино, потом курьер оставил пакет с семейными хрониками, затем пришел мужчина из отдела учета и долго искал подпись на накладной. Среди этих событий катушка без номера казалась естественной. Теперь она не могла восстановить момент, когда впервые увидела ее.

— Не знаю.

— Отлично. Ты включила неизвестную пленку, упала в обморок и теперь отказываешься от врача. Начало дешевого ужастика.

Ася надела хлопчатобумажные перчатки и осторожно вытянула несколько сантиметров пленки. Материал был необычным — почти прозрачным, без привычной коричневатой основы. Кадры казались пустыми.

— Там что-нибудь было?

— Дом.

Ева ответила слишком быстро.

Ася посмотрела на нее.

— Какой дом?

— Наш.

Слово вырвалось само.

— Чей «наш»?

Ева закрыла глаза. Перед ней возник фасад: три этажа, темный кирпич, узкое окно под крышей. У крыльца росла сирень, которую Даниил каждый год обещал пересадить и каждый год забывал. На втором этаже была их спальня. Напротив — комната Миры с желтым ночником в форме луны.

— Я не знаю, — сказала Ева.

Ася больше не шутила. Она усадила подругу на стул, дала воды и заставила съесть половину батончика из автомата. Потом включила сканер.

Они пропустили пленку через аппарат дважды. На экране появлялась только дрожащая серость, похожая на засвеченный негатив. Ни дома, ни людей, ни предметов.

— Возможно, у тебя была зрительная аура, — осторожно сказала Ася. — Или приступ из-за давления. Ты давно нормально спала?

— Я видела не кадры.

— А что?

— Я их помнила.

Ася молчала.

Ева сама слышала, как это звучит. Она не стала рассказывать про нож, кровь и девочку. Не сказала, что помнит, как рожала Миру шестнадцать часов, хотя никогда не была беременна. Что знает вкус торта с собственной свадьбы, хотя ни разу не выходила замуж. Что до сих пор ощущает под пальцами шероховатую кожу на ладони Даниила.

Вместо этого она спросила:

— Можешь посмотреть журнал приема? Кто принес коробку?

— Посмотрю. Но сначала ты едешь домой. Не за руль.

— Я на метро.

— Еще лучше. Напишешь, когда дойдешь.

Ася забрала катушку и заперла ее в сейфе для поврежденных материалов. Ева заметила, что подруга дважды проверила замок.

На улице начинался дождь. Обычный, серый, направленный вниз. Ева несколько минут стояла под козырьком архива и следила за каплями, пока не убедилась, что они подчиняются силе тяжести.

В метро она села у окна и открыла телефон. В галерее были фотографии привычной жизни: Ася на прошлогоднем корпоративе, мать за несколько месяцев до смерти, пустой пляж, чашка с треснутой ручкой, книги, выставка ретроавтомобилей. Ни одного мужчины, похожего на Даниила. Ни одной девочки.

Но стоило Еве увидеть собственное отражение в темном стекле, как поверх него проступило другое лицо — детское, сосредоточенное. Мира высунула кончик языка и пыталась сложить птицу из билета.

— У тебя крыло кривое, — говорил Даниил.

— Оно раненое.

— Тогда тем более нельзя смеяться.

— Я не смеюсь.

— Ты смеешься глазами.

Ева моргнула. Отражение исчезло.

Дома она заперла дверь, включила свет во всех комнатах и долго стояла в прихожей, не снимая пальто. Квартира была такой, какой должна быть: небольшая, тихая, заполненная вещами одного человека. Одна пара обуви. Одна чашка в сушилке. Один халат на крючке.

Она проверила шкафы, балкон, пространство под кроватью. Это было нелепо, но чужие воспоминания заставляли ожидать, что Мира выскочит из-за шторы, а Даниил скажет из кухни, что чайник уже вскипел.

Никого.

Ева приняла душ, выпила воды и написала Асе: «Дома. Все нормально».

Ответ пришел сразу: «Журнал пустой. Катушки нет ни в одной накладной. Утром посмотрим камеры».

Ева положила телефон экраном вниз.

Она не собиралась спать. Хотела дождаться утра на диване, с включенным телевизором, но усталость накрыла быстро. Ей приснился коридор их дома. Мира бежала впереди и оставляла на полу мокрые следы босых ног.

— Не открывай, — повторяла девочка.

Где-то звонили.

Ева проснулась и не сразу поняла, что звук настоящий.

На часах было без четверти двенадцать. Звонок в дверь повторился — коротко, два раза, пауза, еще один раз.

Так звонил Даниил, когда забывал ключи.

Ева подошла к двери, не включая свет в прихожей. Посмотрела в глазок.

На лестничной площадке стоял мужчина из ее воспоминаний.

Он выглядел немного старше, чем в сцене с ножом. Волосы короче, на подбородке темная щетина. На нем была мокрая куртка, но дождь будто не коснулся лица. Даниил смотрел прямо в глазок, словно видел Еву по другую сторону двери.

Она отступила.

— Ева, — тихо сказал он. — Я знаю, что ты дома.

Она не ответила.

— Ты сегодня посмотрела пленку.

Ева снова приблизилась к двери.

Даниил поднял правую руку. На безымянном пальце был светлый след от кольца.

— Ты тоже вспомнила? — спросил он.

Глава 2

Ева не открыла.

Она стояла, прижав ладонь к двери, и слушала его дыхание. Даниил не стучал, не пытался нажать на ручку, не уговаривал. Это пугало сильнее настойчивости. Он вел себя как человек, который заранее знает, сколько времени ей потребуется.

— Уходите, — сказала она.

Голос прозвучал хрипло.

— Хорошо.

За дверью зашуршала ткань. Затем что-то мягко ударилось о пол.

— Я оставлю тетрадь. На первой странице есть вещи, которые я записал три месяца назад.

Ты сможешь проверить даты.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я знаю, что ты хранишь чай в банке с надписью «Соль», потому что настоящая банка разбилась прошлой зимой. Знаю, что ты не закрываешь дверь ванной, когда одна, но сегодня закрыла. Знаю, что после смерти Веры Павловны ты переставила кровать, потому что не могла спать лицом к фотографии на полке.

Ева посмотрела в сторону спальни. Фотография матери действительно стояла на полке. Кровать она передвинула через неделю после похорон. Об этом не знала даже Ася.

— Вы следили за мной.

— Да.

Признание было настолько прямым, что Ева на секунду потеряла готовый ответ.

— Зачем?

— Чтобы найти момент, когда ты вспомнишь.

— Что именно?

Долгая пауза.

— Как мы умерли.

Внутри Евы будто снова повернулся нож.

— Вы не умерли.

— В этой жизни — нет.

— Я вызову полицию.

— Вызови. Только прежде посмотри на свое левое запястье.

Ева непроизвольно спрятала руку за спину.

— Шрам появился после пленки, — продолжил Даниил. — Вечером его не было. Ты порезалась о стакан в доме на улице Вересковой. Мира плакала под столом. Потом сказала, что кожу надо поцеловать, чтобы она вспомнила, как была целой.

Ева перестала дышать.

Те же слова. Не приблизительно, не общий образ — точная фраза ребенка, которого не существовало.

Она отперла один замок, оставив цепочку.

Дверь открылась на ладонь. Даниил стоял в полумраке площадки. На полу у его ног лежала черная тетрадь, перетянутая резинкой.

Вблизи он оказался не совсем таким, каким она его помнила. У мужа из другой жизни был шрам над бровью; у этого мужчины кожа оставалась гладкой. В памяти Даниил пах древесным мылом и кофе. Сейчас от него пахло дождем, холодным металлом и чем-то аптечным.

Но глаза были те же.

Ева ненавидела себя за то, что узнала их раньше, чем лицо.

— Покажите руки, — сказала она.

Даниил поднял ладони.

— Оружие есть?

— Нет.

— Телефон положите на пол.

Он выполнил.

Ева сняла цепочку, быстро отступила и направила на него тяжелый фонарь, который хранила у двери. Даниил вошел, не делая резких движений.

— Закройте дверь.

Он закрыл.

— Сядьте там.

Ева указала на стул в прихожей. Сама осталась стоять в трех шагах. Фонарь весил почти килограмм, но в ее руке казался игрушкой.

Даниил осмотрел квартиру. Не любопытно — с болью. Его взгляд задержался на пустом крючке, где в памяти Евы висел розовый дождевик Миры.

— Не смотрите так, — сказала она.

— Как?

— Будто были здесь раньше.

— Не был.

— Тогда откуда все знаете?

— Я помню другую квартиру. В этом доме, но на два этажа выше. Там кухня была меньше, а из окна ванной было видно башню. Ты ненавидела желтые стены и каждый год собиралась их перекрасить.

Ева помнила желтые стены.

— Назовите мое полное имя.

— Ева Андреевна Руднева. Родилась девятнадцатого октября. Отец ушел, когда тебе было шесть. В детстве ты семь лет занималась фортепиано и теперь уверяешь, что не умеешь играть. Ты не ешь вареный лук, боишься глубоких водоемов и всегда считаешь ступеньки, когда поднимаешься по незнакомой лестнице.

— Это можно узнать.

— У тебя на правом боку родинка в форме запятой. Ты стеснялась ее до двадцати трех лет, пока я не сказал, что это место, где твое тело решило не заканчивать предложение.

Ева крепче сжала фонарь.

Эта фраза тоже была в ней. Она помнила темную спальню, пальцы Даниила на коже, собственный смех. Не яркую картинку, а целое ощущение близости, которое невозможно было получить из слезки.

— Хватит.

— Хорошо.

— Кто такая Мира?

На лице Даниила впервые что-то дрогнуло.

— Наша дочь.

— У меня нет дочери.

— У меня тоже.

— Тогда не называйте ее нашей.

Он опустил глаза.

— Прости.

Слово прозвучало так, будто он извинялся не за местоимение.

Ева села на край обувной тумбы, не выпуская фонарь.

— Начните сначала.

— Я не знаю начала.

— Тогда с того, что знаете.

Даниил потер ладонями лицо. На внутренней стороне его левой руки Ева заметила тонкие следы ожогов, расположенные ровными кругами.

— Три месяца назад я проснулся в лаборатории, которой официально не существует. Вокруг были люди, но я помнил их мертвыми. Я помнил, что прожил с тобой двенадцать лет. Помнил Миру. И помнил последнюю ночь.

— Какую?

— Ту, что увидела ты.

Ева почувствовала холод под ребрами.

— Вы знаете про нож?

— Да.

— Я убила вас.

— В твоей памяти.

— А в вашей?

Даниил долго смотрел на нее. Потом расстегнул куртку и поднял край свитера.

На правой стороне живота тянулась бледная линия, похожая на след хирургической операции. Ева знала, что увидит, еще до того, как он показал.

В его воспоминании нож держал он.

Она стояла у стеклянной стены лаборатории, прижав обе руки к ране. Даниил обнимал ее сзади, чтобы она не упала. Ева шептала ему в ухо цифры, а затем сказала: «Теперь отпусти».

— Я убил тебя, — произнес он. — По крайней мере, помню это так.

Ева встала.

— Уходите.

— Послушай.

— Уходите сейчас же.

— Мы оба видели не одно и то же. Это важно.

— Вы признались, что следили за мной, подложили пленку и пришли ночью. Теперь рассказываете, что когда-то меня убили. Я действительно вызову полицию.

— Позвони. Я не буду сопротивляться. Но через несколько дней начнутся изменения, и полиция не поможет.

— Какие изменения?

— Сначала мелкие. Вещи окажутся не там, где ты их оставила. Люди вспомнят разговоры, которых не было. Появятся шрамы. Потом реальности начнут накладываться сильнее.

— Вы сами это придумали?

— Нет. Я уже видел.

Он достал из кармана сложенный лист, но Ева подняла фонарь.

— Медленно.

Даниил положил лист на тумбу. Это был календарь на текущий месяц. Одно число обведено красным — день через тридцать суток.

— Что произойдет тогда?

— Не знаю точно. В прошлых воспоминаниях мы каждый раз оказывались в одном месте. Один из нас умирал. После этого мир начинался заново.

— Мир не начинается заново.

— Ты не помнишь, потому что раньше не должна была помнить.

— А вы, конечно, должны.

— Нет. Думаю, что-то сломалось.

Ева посмотрела на календарь. Дата казалась знакомой. Двадцать восьмое сентября. Она не связывала с ней ни одного события, но тело отреагировало раньше сознания: пальцы онемели, в ушах зашумело.

На секунду квартира исчезла.

Вокруг была лаборатория. Красные лампы. Даниил кричал ей что-то через стекло. На экране мигала надпись: «СХОЖДЕНИЕ: 00:00:17».

Ева моргнула и снова увидела прихожую.

Даниил уже стоял. Он не приближался, только внимательно смотрел.

— Ты увидела дату, — сказал он.

Это не был вопрос.

— Уходите.

— Ева...

— Пожалуйста.

Он надел куртку, поднял телефон и открыл дверь. На пороге обернулся.

— Я буду в мастерской на Садовой, двадцать семь. Адрес есть в тетради. Не доверяй никому, кто скажет, что может вернуть Миру.

— В том числе вам?

Даниил едва заметно усмехнулся.

— Особенно мне.

Дверь закрылась.

Ева снова заперла замки, накинула цепочку и еще несколько минут стояла в тишине. Потом подняла тетрадь.

На обложке не было надписей. Первая страница начиналась одной строкой:

«Если Ева посмотрит пленку, она вспомнит шрам на запястье, желтые стены и то, как убила меня».

Под строкой стояла дата трехмесячной давности.

Глава 3

Ева читала до трех часов ночи.

Почерк Даниила был ей знаком. Наклон вправо, слишком длинные перекладины у «т», цифра семь с чертой. В другой жизни он оставлял такими буквами записки на холодильнике: «Куплю молоко», «Не забудь шарф», «Мира у Аси до восьми».

В этой жизни Ася никогда не сидела с Мирой. Девочки не было. Холодильник был чистым.

Тетрадь начиналась с даты девяносто два дня назад.

«Проснулся в блоке Б. Не знаю, какой сейчас цикл. На полу вода, но сигнализация молчит. Карев жив. Алина мертва. Ева не работает в институте. Нашего дома нет».

Дальше шли короткие наблюдения.

«Ева Руднева найдена. Архив кинодокументов. Не замужем. Детей нет. Не помнит меня».

«Не подходить. Преждевременный контакт в четвертом цикле вызвал отторжение и ускорил схождение».

«Триггеры: запах соснового мыла — слабый ответ. Песня из машины — нет ответа. Улица Вересковая — выраженная тревога. Бумажная птица — слезы без осознания».

Ева остановилась.

Она не помнила бумажной птицы в своей нынешней жизни, но две недели назад действительно расплакалась в книжном магазине. Возле кассы лежал набор для оригами. Тогда она решила, что устала.

Следующая запись:

«Катушка подготовлена. Видеоряд удален. Оставлен мнемонический след. Если теория верна, зрительный анализатор Евы достроит общую память».

Под текстом была схема, слишком сложная для человека без специального образования: узлы, стрелки, формулы, подписи «автобиографический контур», «парный резонанс», «обратная реконструкция». Ева не понимала значений, но взгляд сам находил ошибки. В трех местах она машинально исправила индексы карандашом, лежавшим рядом.

Только после этого заметила, что сделала.

Она работала с пленкой, а не с формулами. Последний раз всерьез занималась математикой в университете. И все же знала, что в уравнении на полях недостает отрицательного знака.

Ева захлопнула тетрадь.

В квартире было тихо. Холодильник гудел на кухне, за стеной сосед кашлял во сне. Обычная ночь пыталась продолжаться, несмотря на то что в ее прихожей только что сидел человек из несуществующего брака.

Она позвонила Асе.

Подруга ответила после пятого гудка.

— Кто умер?

Ева вздрогнула.

— Никто.

— Тогда почему ты звонишь в три часа?

— Ты посмотрела камеры?

— Ева, я дома.

— Просто скажи, сможешь утром проверить, кто принес катушку.

— Смогу. Ты опять падала?

— Нет.

— Голова кружится?

— Нет.

— Галлюцинации?

Ева посмотрела на тетрадь.

— Возможно.

Сон исчез из голоса Аси.

— Я сейчас приеду.

— Не надо.

— Ты одна?

Ева не ответила сразу.

— Уже да.

— Что значит «уже»?

— Ко мне приходил человек.

— Какой человек?

— С пленки.

В трубке стало тихо.

— Запри дверь, — сказала Ася. — Не открывай никому. Я вызову такси.

— Он ушел.

— Мне все равно.

— Ася, я в порядке.

— Ты дважды за вечер сказала, что в порядке. Один раз после обморока, второй — после визита человека из галлюцинации. Это статистически плохой признак.

Ева почти улыбнулась.

— Оставайся дома. Я лягу спать. Утром встретимся в архиве.

— Включи видеосвязь.

— Зачем?

— Я посмотрю, как ты доходишь до кровати. Потом буду слушать, как ты дышишь.

— Это жутко.

— Сегодня планка жуткого поднялась очень высоко.

Ева согласилась. Она прошла по квартире с телефоном, показала запертую дверь, окна и пустые комнаты. Тетрадь в кадр не попала.

— Свет оставь, — приказала Ася. — И поставь рядом воду.

— Да, мама.

— Не смешно.

Они не отключались еще сорок минут. Ася рассказывала о какой-то ссоре с курьером, о сломанном сканере, о соседке, которая снова выставила цветы в общий коридор. Ева слушала знакомый голос и чувствовала, как мир возвращает плотность.

Когда Ася заснула, телефон лежал экраном вниз на соседней подушке. Ева закрыла глаза.

Сон не пришел. Вместо него появились воспоминания.

Она видела Даниила в разных возрастах. В двадцать два — худого, с длинными волосами, смеющегося на крыше института. В двадцать семь — спящего в кресле у больничной палаты. В тридцать четыре — стоящего у окна их дома с бумажной птицей в руке.

Некоторые сцены противоречили друг другу.

В одной они познакомились на конференции, когда Ева пролила кофе на его ноутбук. В другой — в вагоне поезда. В третьей Даниил пришел в лабораторию уже женатым, и Ева два года делала вид, что не замечает его взгляда.

У них была одна дочь. Потом две. Потом ни одной.

Мира родилась весной. Мира родилась в декабре. Мира умерла в восемь лет. Мира дожила до шестнадцати и ненавидела их обоих.

Ева открыла глаза.

Комната была залита серым предрассветным светом. Телефон разрядился. Ася исчезла с экрана.

На часах — семь двадцать.

Ева поднялась и пошла на кухню. Налила воду, машинально открыла верхний шкаф.

На полке стояли две чашки.

Одна — ее, белая, с трещиной у ручки. Вторая — темно-синяя, широкая, с отколотым краем.

Чашка Даниила.

Ева уронила стакан. Он ударился о раковину, но не разбился.

Она не могла забыть, что купила всю посуду одним набором. Синих чашек в нем не было.

Вчера вечером полка была наполовину пустой.

Ева достала чашку. На дне засохло кольцо от кофе.

Под ней лежала сложенная вчетверо фотография.

Ева медленно развернула ее.

На снимке трое сидели на ступенях дома с темным кирпичным фасадом. Ева смеялась, запрокинув голову. Даниил держал ее за плечи. Между ними Мира показывала в объектив бумажную птицу.

На обороте была дата — шесть лет назад — и надпись тем же длинным почерком:

«Первый день, когда мы все остались живы».

Ева взяла телефон, подключила зарядку и сфотографировала снимок. Потом открыла облачную галерею, чтобы сохранить копию.

Экран мигнул.

Фотография в ее руке изменилась.

Дом и ступени остались. На месте Даниила была пустота. Ева сидела одна, прижимая к себе девочку. Обе смотрели в камеру без улыбок.

На обороте появилась другая надпись:

«Не позволяй ему войти снова».

Глава 4

К девяти утра фотография снова стала прежней.

Даниил вернулся на ступени, Мира улыбалась, надпись на обороте гласила: «Первый день, когда мы все остались живы». Синяя чашка исчезла. На полке остался свободный круг в пыли, будто она стояла там много лет.

Ева упаковала снимок в прозрачный файл и поехала в архив.

Ася ждала у служебного входа. Волосы были собраны кое-как, под глазами темнели следы бессонной ночи. Вместо приветствия она обняла Еву, затем отстранила и внимательно осмотрела.

— Ты настоящая?

— Пока да.

— Очень смешно. Кто приходил?

— Его зовут Даниил Северин.

Ася замерла.

— Ты знаешь его фамилию из... воспоминания?

— Он сам назвался. И оставил это.

Ева показала тетрадь и фотографию. Ася рассматривала снимок долго, без привычных комментариев.

— Это монтаж?

— Не знаю.

— Девочка похожа на тебя.

Ева забрала фотографию.

— Камеры.

Они поднялись в комнату охраны. Дежурный ворчал, что архив — не вокзал и посторонний человек не мог пройти незамеченным, но Ася убедила его открыть запись за предыдущий день.

В 10:17 к служебному входу подошел Даниил. На экране он был в серой куртке и нес плоский пластиковый контейнер. Показал документ, расписался в журнале и получил временный пропуск.

— Вот твой призрак, — сказал охранник. — Обычный мужик.

На увеличенном изображении лицо Даниила было четким. Ева почувствовала странное облегчение: хотя бы это видела не только она.

— Перемотайте дальше.

В 10:24 он вошел в лифт. В 10:31 появился на третьем этаже рядом с тележкой частных поступлений. Пока техник разговаривал по телефону, Даниил положил на нее жестяную коробку.

— Назад, — сказала Ева. — Где он взял пропуск?

Дежурный открыл журнал. В строке за 10:17 стояло имя «Антон Витальевич Чернов», номер паспорта и подпись, не похожая на почерк в тетради.

— Документ проверяли? — спросила Ася.

— Визуально. У нас не граница.

— А кому он принес контейнер?

— В отдел цифрового хранения. Там заказ на семейную хронику.

Ася позвонила в отдел. Никакого заказа не было. Антона Чернова никто не ждал.

Когда они вернулись к экрану, запись изменилась.

В 10:17 к входу подошел курьер в синей форме. Лицо скрывал капюшон. Никакого Даниила на видео не осталось.

— Вы включили другой файл? — спросила Ева.

Дежурный обиделся.

— Я ничего не включал.

— Только что здесь был мужчина.

— Какой мужчина?

Он искренне не понимал.

Ася схватила Еву за локоть и вывела в коридор.

— Я тоже видела, — прошептала она. — Серую куртку. Он положил коробку на тележку.

— Ты помнишь имя в журнале?

— Антон Чернов.

Они вернулись к журналу. Строка за 10:17 была пустой.

Ася закрыла книгу и несколько секунд держала ладонь на обложке, словно пыталась остановить дальнейшие изменения.

— Ладно, — сказала она. — Теперь я официально не предлагаю тебе шоколадку вместо врача.

Катушка лежала в сейфе. Пломба была целой, код знали только Ева и заведующая лабораторией. Они забрали коробку и заперлись в реставрационной комнате.

На этот раз Ева не стала запускать проектор. Они использовали покадровый сканер с максимальным разрешением. Первые метры пленки были пустыми. Затем программа обнаружила изменение плотности в одном кадре.

На мониторе появилась белая комната. Изображение было почти выжжено светом, но в центре угадывалась фигура девочки.

Мира стояла спиной.

Ева увеличила кадр. По краям побежали цифровые артефакты. Девочка медленно повернула голову.

— Это невозможно, — сказала Ася. — Это один кадр.

Мира продолжала двигаться.

Не запись — сама неподвижная фотография менялась на экране. Сначала появился профиль, затем один глаз, затем лицо целиком.

Девочка смотрела прямо на Еву.

Губы шевельнулись.

Звука не было, но Ева прочитала слово:

«Мама».

Экран погас. Из системного блока потянуло горелым пластиком.

Ася отключила питание.

— Скажи, что она не говорила с нами.

— Она сказала одно слово.

— Я знаю, что она сказала.

В дверь постучали. Обе вздрогнули.

— Ева Андреевна? — позвала заведующая. — У вас там все в порядке?

Ася быстро накрыла катушку тканью.

— Сканер перегрелся! — ответила она. — Сейчас проветрим.

Шаги удалились.

Ева достала телефон. Адрес мастерской Даниила был записан на последней странице тетради. Садовая, двадцать семь.

— Ты куда? — спросила Ася.

— За ответами.

— К человеку, который подложил пленку с ожившим ребенком?

— Да.

— Тогда я с тобой.

— Нет.

— Почему?

Ева посмотрела на изменившуюся фотографию, спрятанную в сумке.

— Потому что он знает меня. А тебя — возможно, нет.

Ася покачала головой.

— После сегодняшнего я не уверена, что кто-то знает кого-то.

Глава 5

Мастерская находилась во дворе бывшей типографии. На воротах не было вывески, только номер здания и выцветшая табличка «Осторожно: погрузочные работы».

Ева нашла нужную дверь по звуку. За ней мерно щелкало реле, гудел трансформатор и время от времени раздавался короткий металлический удар.

Она постучала.

Даниил открыл сразу, будто ждал за дверью.

— Ты быстро.

— Камеры в архиве показали, как вы принесли пленку.

— А потом перестали показывать?

Ева не ответила.

Он отступил, пропуская ее внутрь. Помещение было больше, чем казалось с улицы: высокий потолок, кирпичные стены, верстаки, приборы в разобранных корпусах. На одном столе стояла катушка, похожая на архивную, рядом — осциллограф и несколько прозрачных пластинок, соединенных тонкими проводами.

— Закройте дверь, — сказал Даниил. — Здесь лучше не говорить на улице.

— Я не останусь надолго.

— Ты всегда так говорила.

— Не делайте этого.

— Чего?

— Не разговаривайте со мной как с женой.

Он кивнул.

— Понял.

Ева положила фотографию на верстак.

— Это появилось у меня дома. Потом изменилось. Потом вернулось обратно.

Даниил не прикоснулся к снимку. Только посмотрел, и его лицо стало неподвижным.

— Я не видел эту фотографию в нынешнем цикле.

— Прекратите называть это циклом.

— Как предложишь называть?

— Преступлением. Вы подделали документ, проникли в архив, следили за мной и поместили неизвестный материал в оборудование.

— Все верно.

— Зачем?

— Я уже сказал.

— Нет. Вы сказали, что хотели, чтобы я вспомнила. Но не сказали, зачем вам это нужно.

Даниил перевел взгляд на катушку.

— Потому что один я не могу остановить схождение.

— Что это такое?

— Наложение несовместимых воспоминаний на одну реальность. Сначала меняется память. Затем предметы. Потом биографии людей. В конце система пытается собрать из нескольких миров один, но не знает, какой считать настоящим.

— Какая система?

— «Палимпсест».

Слово вызвало у Евы ощущение удара током. Она увидела белую надпись на черном стекле, свою руку над клавиатурой и красную строку: «ПАЛИМПСЕСТ: КОНТУР ОТКРЫТ».

— Я слышала это название.

— Помнишь лабораторию?

- Вспышками.
- Там мы работали.
- Я реставратор.
- В этой жизни.

Даниил открыл металлический шкаф. Внутри висели фотографии Евы, сделанные с большого расстояния: она выходит из дома, покупает кофе, идет по набережной, сидит у окна архива. Рядом были распечатки ее расписания и схема маршрутов.

Ева почувствовала тошноту.

— Вы действительно следили за мной.

— Да.

— Месяцами.

— Сначала я хотел подойти сразу. Потом нашел записи предыдущего цикла. Там было предупреждение.

— Кто его оставил?

— Я.

— Очень удобно.

— Ничего удобного в этом нет.

Он достал из шкафа маленькую коробку. В ней лежали кусок розовой ленты, детская заколка и обертка от мыла.

— Запахи вызывают автобиографическую память быстрее изображений. Я проверял, что отзовется. Оставлял вещи в местах, где ты бываешь.

— Набор для оригами в магазине?

— Да.

— Песня в кафе на набережной?

Даниил нахмурился.

— Какая песня?

Ева вспомнила мелодию, от которой месяц назад внезапно заболело сердце. Даниил, по его лицу, не знал о ней.

— Неважно.

— Важно. Если это был не я, кто-то еще пытается пробудить тебя.

— Или вы просто лжете.

— Это тоже возможно.

Ева устала от его спокойствия.

— На пленке была Мира. Она двигалась внутри одного кадра.

Даниил закрыл глаза.

— Что сказала?

— «Мама».

Он отвернулся. Ева увидела, как напряглись его плечи.

— Вы знали, что она появится?

— Надеялся.

— Значит, вы пытаетесь ее вернуть.

— Я пытаюсь понять, где она.

— Ее нет.

Даниил повернулся слишком резко.

— Ты не имеешь права так говорить.

Впервые в его голосе появилась злость. Не угроза — боль, давно притворявшаяся выдержкой.

— Я имею право говорить о своей жизни, — ответила Ева. — В ней нет ни вас, ни ребенка.

— Тогда почему у тебя ее шрам?

Он указал на запястье.

— Почему ты прочитала слово на ее губах? Почему исправила формулу в тетради?

Ева замерла.

— Откуда вы знаете?

— Ты всегда исправляешь расчеты карандашом. Даже если злишься.

Она посмотрела на дверь.

— Я уйду.

— Подожди. Есть место, которое ты должна увидеть.

— Дом?

Даниил не успел ответить.

За окнами вспыхнул белый свет. Все приборы одновременно выключились. Тишина продержалась две секунды, затем с улицы донеслись автомобильные сигналы и крики.

Ева вышла во двор.

Дождь усилился, но часть капель падала вверх. Они поднимались от асфальта, скользили мимо лиц и исчезали в низких облаках. Люди останавливались, протягивали руки, снимали происходящее на телефоны.

За воротами улица раздваивалась.

Слева тянулась знакомая Садовая с трамвайными путями. Справа поверх нее проступала широкая пешеходная аллея, обсаженная молодыми липами. Здания занимали одно и то же пространство: кирпичная типография мерцала внутри стеклянного торгового центра.

Мужчина рядом с Евой выронил пакет.

— Мост вернули, — сказал он.

— Какой мост? — спросила женщина рядом.

— Восточный. Его же снесли после аварии.

— Здесь никогда не было моста.

Мужчина оглянулся, будто только сейчас увидел улицу, и побледнел.

К Еве подошла пожилая женщина в прозрачном дождевике. Внимательно посмотрела на ее лицо.

— Доктор Руднева? — спросила она. — Вы же обещали, что мы ничего не забудем.

Ева отступила.

— Вы ошиблись.

— Нет. Я помню ваши руки.

Женщина схватила ее за запястье. В ее глазах отражалась лаборатория, которой на улице не было.

Даниил разжал чужие пальцы и встал между ними.

— Нам нужно уходить.

— Куда?

— В дом.

Белый свет погас так же внезапно, как появился. Торговый центр исчез, осталась типография. Дождь снова падал только вниз.

Пожилая женщина растерянно посмотрела на Еву.

— Простите, — сказала она. — Мне показалось, что вы моя внучка.

Она ушла.

Даниил взял Еву за руку. Прикосновение было коротким, но тело вспомнило его раньше разума: как он ведет ее через толпу, как переплетает пальцы, как большим пальцем касается пульса.

Ева выдернула ладонь.

— Больше никогда.

— Хорошо.

— Дом далеко?

— Двадцать минут.

Она ненавидела, что согласилась раньше, чем задала вопрос.

Глава 6

Дом стоял в тихом переулке за старым парком.

Темный кирпич. Три этажа. Узкое окно под крышей. У крыльца росла сирень, слишком большая для тесного двора.

Ева остановилась у калитки.

Память накрыла запахами: мокрой землей, яблочным пирогом, краской из детской комнаты. Она знала, что в июне сирень загораживает окно гостиной. Знала, где отходит ступенька и как зимой примерзает нижний замок.

— Мы жили здесь? — спросила она.

— В нескольких версиях.

— А в вашей памяти?

— Да.

— Сколько лет?

— Семь.

Ева помнила двенадцать.

У двери висела табличка: «Кругловы». Даниил нажал звонок.

Открыла женщина лет сорока в домашнем свитере. За ее спиной пахло жареным луком и слышался телевизор.

— Добрый день, — начал Даниил. — Простите за беспокойство. Мы раньше жили в этом доме и хотели бы...

— Мы купили его девять лет назад, — перебила женщина. — У семьи Лариных. Вы кто?

— Даниил Северин.

Имя ничего ей не сказал.

— У нас сохранились вещи в подвале, — продолжил он. — Возможно, среди старых коробок. Нам нужно только посмотреть.

— Какие еще вещи?

Ева шагнула ближе.

— В детской комнате под подоконником была трещина. Мы закрыли ее деревянной планкой. За планкой лежит маленький латунный ключ.

Женщина нахмурилась.

— Откуда вы знаете про планку?

— Она до сих пор там?

Из глубины дома вышел мужчина с полотенцем в руках. Высокий, тяжелый, с недовольным лицом.

— Инга, кто там?

— Говорят, жили здесь.

— Здесь до нас жили Ларины.

— Мы не хотим ничего забирать, — сказала Ева. — Только проверить одну вещь. Пять минут. Вы можете идти с нами.

Мужчина посмотрел на Даниила, затем на Еву. Его взгляд задержался на фотографии, которую она держала в прозрачном файле.

— Это наш дом, — сказал он.

— Да.

— На снимке сирень меньше.

— Фотография старая.

Он открыл дверь шире.

— Пять минут.

Внутри все было не так и точно так же.

Стены перекрасили, лестницу покрыли светлым лаком, на месте старого комода стоял аквариум. Но дом узнавался под изменениями, как лицо близкого человека после долгой разлуки.

Ева сняла обувь без просьбы. На третьей половице в коридоре нога сама перенесла вес, избегая скрипа.

Даниил заметил.

Хозяева повели их на второй этаж. На площадке Ева остановилась. Справа должна быть спальня. Слева — комната Миры.

Дверь слева была закрыта.

— Там кабинет, — сказал хозяин. — Детской никогда не было.

Ева коснулась ручки. В памяти на ней висела табличка, нарисованная фломастером: «Вход взрослым только с печеньем».

Комната оказалась серой и аккуратной. Стол, два монитора, книжный шкаф. Под окном — деревянная планка.

Хозяин опустился на колени и поддел ее отверткой. За деревом обнаружилась узкая щель. В ней лежал маленький латунный ключ.

Инга ахнула.

— Роман, ты знал?

— Нет.

Даниил взял ключ, но почти сразу передал Еве. Металл был теплым.

Она помнила этот ключ. Мира нашла его на блошином рынке и решила, что он открывает «самую важную дверь». Родители подыграли и прятали за планкой маленькие записки. Каждый, кто находил ключ, получал право загадать желание.

— Что он открывает? — спросил Роман.

— Ничего, — ответила Ева. — Это игра.

Инга смотрела уже не настороженно, а испуганно.

— Вы правда жили здесь?

— Не в вашей жизни, — сказал Даниил.

Ева бросила на него взгляд.

— Он шутит.

— Очень смешно, — буркнул Роман. — Забрали ключ — и уходите.

Ева заметила на стене едва различимый бугор под обоями. Подошла и провела ладонью снизу вверх.

— Здесь были отметки роста.

— Мы выравнивали стену, — сказала Инга. — Там ничего нет.

Даниил уже искал край полотна. Роман схватил его за плечо.

— Не трогайте.

— Мы заплатим за ремонт.

— Вы сейчас уйдете.

Ева сама не понимала, почему не могла остановиться. Она взяла канцелярский нож со стола и осторожно надрезала обои вдоль шва.

— Эй!

Под верхним слоем был другой — желтый, с мелкими белыми звездами. Ева помнила, как клеила его на седьмом месяце беременности и ругалась с Даниилом из-за пузырей.

Она отогнула полосу.

На штукатурке проступали карандашные линии.

«Мира, 3 года».

«Мира, 4 года и 2 месяца».

«Мира, почти 6, если встать на носочки».

Последняя отметка была обведена красным.

«Мира, 8 лет».

Рядом детской рукой нарисована птица.

В комнате никто не говорил.

Роман отпустил плечо Даниила.

— Этим надписям больше десяти лет, — тихо сказала Инга. — Мы делали ремонт сразу после покупки. Стена была чистая.

— Не была, — ответила Ева.

Она знала каждую линию. Помнила, как Мира спорила, что выросла за ночь на четыре сантиметра. Как Даниил незаметно поднял красную отметку, чтобы дочь победила.

На верхней полке шкафа что-то зашуршало.

Все подняли головы.

Даниил подставил стул и достал плоскую картонную коробку. На ней толстым синим маркером было написано одно слово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.